

Обаятельная скромность пролетариата

Редакция газеты «Истоки» вместе с заведующей библиотекой № 15 города Уфы Валентиной Николаевной Печниковой провела очередную встречу с юными читателями. «Свежий взгляд и поэтическая жизнь города» послужили темой и поводом для разговора. Ученики 9-го класса школы № 38 внимательно слушали пишущих старших товарищей, пришедших на встречу с ними.

Корреспондент газеты «Истоки» Алексей Кривошеев объяснил, зачем нужна поэзия, что именно поэзия вырабатывает «свежий взгляд» на вещи. Окружающая нас реальность – только часть слова, творящего ее. Поэт – это человек, взявший на себя слово и его тяжесть. Из этой тяжести он постепенно создает преодолевшее гравитацию идеальное прекрасное, устремленное в небеса. Взлетающая архитектура стихотворения, мира, города. Дверцы и сады. «Красота в глазах смотрящего». Чтобы увидеть чудесный мир по-своему, нужно начать мир творить. В себе и вокруг себя. Для этого, за тысячелетия своего существования, поэзия наработала множество способов, методов и приемов, которыми человек, «вырабатывавший свежий взгляд», должен постоянно овладевать. Только проникновение в наследие целокупного творческого потенциала приближает ищущую индивидуальность к реальной возможности своего видения. Быть поэтом – значит слить воедино Космос и свою индивидуальность. Сначала – полное растворение личности в «материнской жидкости» всеобъемлющего творческого принципа, затем кристаллизация новой творческой индивидуальности. Уже со всеми ее загогулинами, оскретками и оскребками. Мира со всей его осозаемой до веселых мурашек кожей. Подлинная, духовная Революция – это не уничтожение людей вокруг себя, а преображение в себе самом родового, сугубо природного (примативного) человека. Превращение обезьяны в звезду. Раздача света новым потемкам. Далее Кривошеев прочитал несколько своих стихотворений и стихотворения Анатолия Яковлева. Рассказал о серии «Уфимская книга», изданной издательством «Вагант», и ее авторах.

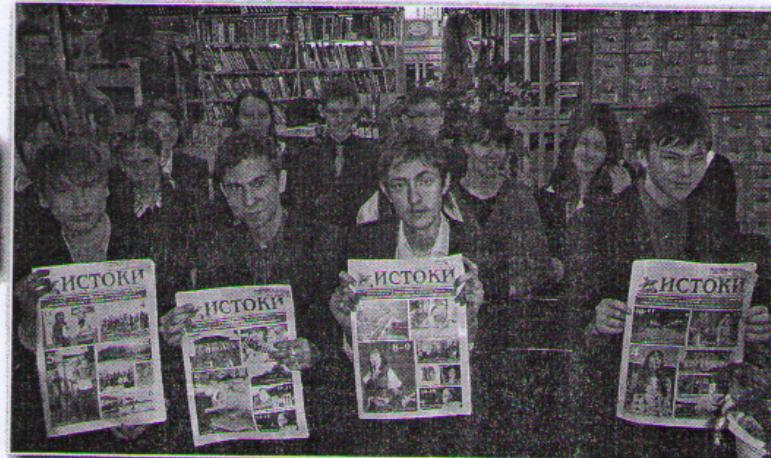
Своими соображениями на заявленную тему поделился Александр Барановский, краевед, корреспондент «Истоков». Для него «свежесть взгляда» – это написание цикла статей о Благовещенске, например. Чем сегодня он успешно занимается.

Николай Островский, изданный «Вагантом» уфиец, снова с нами. Из Демы он перебрался жить на улицу Софы Первовской. Островский, хоть и доморощенный, а философ. Доморощенность в данном случае можно верифицировать и как независимость внутреннего развития от косности социального организма. И как оторванность от социума. Последнее для философа позволительно. Тем более что Николай Островский ориентирован правильно, на глубочайшие духовные ценности.

Алексей ВЛАДИМИРОВ,
фото: А.Барановский

В арсенале его познания такие незаменимые мыслители, как Юнг и Шопенгауэр. На мир поэт смотрит с юмором. Поэт Николай Островский – человек одинокий, не слишком обогретый любовью недальновидного и практического современного человечества. Страдание как основной принцип несломленной, развивающейся личности дано ему в ощущениях. В этом смысле Островский наследует Шопенгауэру. Путь не из легких, способный раздавать душу, не поцелованную горем. Островский, «мощный старик», только с виду тщедущ. По существу, он – поэт духа закаленного, выкованного из стали современных космических технологий. «Какое это наслажденье/Иметь страдающее Я» (его строка). В одиноком страдании он обрел творческую свободу.

Геннадий Полежанкин наследует обетованную поэтическую землю в уединенном труде. Самоотверженным, упорным постоянством в деле искусства, параллельном его работе на производстве в аэропорту, он снискал себе заслуженное внимание соперников. Музу его, по его собственному признанию, отчасти пролетарская. Тем более трогательно, что пролетариат, органически не приспособленный историей к производству ценностей духовных, в лице Поль Жан Кинга (литературный псевдоним Геннадия Полежанкина) вдруг запел стихами. Сказались-таки школа нескольких литеобъединений. Она, конечно, смолчала бы, школа, не будь у Полежанкина способностей и целеустремленности. Мало ли их на Руси, милых объединенных литоцев, восторженно штампующих среднестатистический безликий вздор. Не то – Полежанкин! У него и рифма «вкусно» задействована в образующем смысл процессе стиха, и необычная метафора часто радует читателя свою свежестью. То есть для нигилиста-атеиста, пролетария-материалиста Геннадий Полежанкин чрезмерно духовит и несколько переразвит эстетически. Я бы назвал феномен Полежанкина обаятельной скромностью пролетариата. Именно скромности, этого лучшего выражения самой человеческой сущности, пролетариату, когда его принуждали брататься не за свое дело, катастрофически представляло хватать. Кухарка, самозабвенно управляющая государством, того и гляди, начнет делать из своих сограждан кровавый ростбиф. Уж такова ее прямая наклонность. Ну, или наклонная прямота. В искусстве пролетарий обычно воспевал на красоту мира – горного или долинного, а свои духовно/душевно неказистые, часто ничем исторически не подкрепленные амбиции.

Пролетарий, как великий производитель материальных ценностей, незаменимый на своем месте, увы, ничем не способен был помочь даже вырождающейся духовной культуре. Помочь только разве что умереть – смертью насильственной и неприглядной. В этот не слишком адвокатский миг амбиции милейшего в деле рабочего переставали соответствовать его интуиции, выбранной материальной историей. Пример Полежанкина показывает, что трудовой человек способен духовно развиваться, если его не слишком злить, не сбивать с толку, а кормить и одевать. Пoesия, русская и мировая, вооружает жаждущую душу не только булыжником, но и всем необходимым для истинного революционного роста. Стихи и есть – брошенный камень, способный разбить бронированную голову любого мироздающего оглода. Повторяю, революцию следует понимать не как безнадежное и безвременное людоедство, но как преображенение человеческих душ. Своей в первую очередь. В этом направлении Полежанкин и работает. Наш симпатичный автор изобретателен, и вообще, сострадателен, человек. Он способен посочувствовать и черновской женщине, стареющей в свои сорок пять, и горькому дыму недобрых событий. И восхититься вольному, не знающему границ морскому паруснику. Мы присутствуем в эпоху нарождения пролетариата нового типа. Пролетариата, духовно и лично возрастающего. Разрывающего на себе оковы своей узкоспецифической, подспелово-классовой принадлежности. Рабочего, ударника души трудовой, не живущей. Мастера, человека всех классов и национальностей, смело шагающего по волнам мировой поэзии (читай «Парусник» Г. П.) в страну духовной аристократии. Не подменяющего подлинные ценности материальным благополучием.

Виктор Спицын, поэт-путешественник, как-то по-особенному приглянулся старшеским товарищам. Они полюбили его и как доброго дедушку, ловко владеющего бойкой строкой. И Есенин, и цветы, и березки – все живет дружно в его стихах, написанных как будто в народном стиле. Виктор Спицын подкупает тем, что не обманывает ожиданий публики: его облик радушного странника и его незамысловатые стихи очень гармонируют друг с другом.

Этот поэт несет своими стихами заразительный настрой на бодрое долголетие и незатейливую жизнерадостность. Ни капли желчи – одно чистосердечное радужное. Виктор Спицын сделает вашу жизнь буквально сладко. Он непременно подарит вам конфетку, особенно если вы милая девочка или хотя бы жеманно прикидываетесь таковой. Впрочем, у поэта широкий душевный кругозор, и он научился великолепно не делать различия между людьми. Он полюбит и вас, читатель, кем бы вы ни были, и вы сами непременно попадете в ласковые сети прелестного сочинителя. Тем более что он победитель одних из «Ступеней»! Да, он таков, неподдельный путешественник с котомком ядреной русской речи за несогбенною спиной. При его появлении оживает все, что, казалось бы, безнадежно кануло в темный чулан истории. Даже приметы времени, банки, делаются нелепыми в его присутствии. В его неохватной бороде больше седых волос, чем сбережений у иного скupша. Он простотворит чудеса, этот новый уфийский Хоттабыч.

И самое ценное на встречах в библиотеке № 15 – это, конечно же, чаепитие. Оно сладостно протекает, как говорили ручеек, сквозь городскую сень под деревьями. И вы как будто невесомо бодрствуете, оказавшись в легком сне, в атмосфере сердобольного, гостеприимного окружения, в котором буквально купают своих любимых писателей Валентина Николаевна, заведующая библиотекой. Здесь вы можете отведать и сладкое печенье, и тортики, и чрезвычайно затейливые бутербродики из ноздрясто-свежего хлебца с эдакою натуральной колбаской, ладно уложенной сверху и щедро украшенной пикантным лепестком яркого лечо. А кругом по столу рассыпаны сладострастно блестящие, манящие к себе и влекущие в заоблачную высь конфетки – только успевай срывать с них липкие одежки. Вполне зрелый продукт какой-нибудь парижской конфетной фабрики, специально производимый для опытного уфимского гурмана, любителя изящной словесности. А далее... шум уютных зимних улиц, взволнованные до белого покоя сугробы и симпатичные лица прохожих. Рассставания и новые встречи.